

ЕЛЕНА ИООС

ВРЕМЯ «Ч»

ТРАГИКОМЕДИЯ В 2-Х ДЕЙСТВИЯХ

Читательская проба: 1 действие

Контакты

tinthoron@t-online.de

аккаунты в ФБ и ВК

+49 5136 89 54 68

Elena Joos

Scharlemannstr. 10

31303 Burgdorf

Deutschland

«Человек рождён для счастья как птица для полёта». Но если надежда покидает любящее сердце, сможет ли оно выжить? Любовь к матери превращена в месть за разрушенное семейное гнездо, любовь к девушке не взаимна, а любовь к другим близким грозит обернуться большой жертвой. Безвыходность любовных треугольников, общим ребром которых является главный герой пьесы, кажется смертельной.

Действующие лица:

Ирина Аркадьевна Треухова	Популярная актриса, лучшие годы уже позади, но пороху ещё достаточно
Дэн (Данила Треухов)	её сын, творческая личность с амбициями
Николай Аркадьевич Зорин	брат Треуховой, 70 лет, полковник в отставке
Инга Ручьёва	дочь чиновника от культуры 17 лет
Борис Репло	режиссёр театра и кино, сожитель Треуховой, значительно её моложе
Сергей Дорнфельд	пластический хирург, друг семьи Треуховой
Тоня	старая няня Треуховой, заодно домоправительница и заведующая её гардеробом, носит чёрное

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

1

Гостиная в доме Зорина -Треуховой с диваном, креслом у камина, све-тильником и множеством предметов уюта: подушками и безделушками. В глубине виден небольшой стол, вдоль стен книжные шкафы. На каминной полке стоят театральные и кинематографические награды и среди них - чучело чайки. На спинке дивана и кресел наброшены платья, на ковре валяются несколько пар женских вечерних туфель и коробки из-под них же. ЗОРИН сидит в кресле перед шахматной доской. Входит Дэн. Он снимает круговую панораму комнаты, туфли и платья матери на смартфон. Дэн подходит к Зорину.

ДЭН. Дядь Коль, смотри сюда. Скажи что-нибудь на камеру. Погоди... (меняет настройку камеры смартфона и ракурс съёмки)... давай.

ЗОРИН. Чего говорить?

ДЭН. Николай Аркадьевич, что Вы можете рассказать о вашей великой сестре заслуженной артистке РФ Ирине Треуховой?

ЗОРИН. Мгм... Наша Ирина Аркадьевна очень красивая, добрая и умная... Слушай, а это ничего, что я выгляжу как её отец? Как-то не очень удобно получается, вроде как возраст её выдаю.

ДЭН. Не парься, дядь Коль, все и так всё знают.

ЗОРИН. Ты бы хоть беспорядок этот не снимал, это ведь... интимный момент, актриса готовится к бенефису, ищет образ. Она твоя мать, между прочим. Брось снимать, некрасиво.

Неслышно входит Тоня чтобы унести несколько платьев.

ДЭН. Ты не в тренде, дядь Коль, не шарить в тенденциях рынка. Это же как раз самое хайповое. Меня залайкают за инсайд. Чем больше фолло-веров, тем быстрее бабосики в кармашек потекут. Я видеоблог решил замутить: *(читает типа рэн, пародируя заставку роликов Ю. Дудя)* Дэн даст вам бздэн, ё, бздэн даст вам Дэн!

ЗОРИН. А не запаadlo тебе, чувачок, на матери родной подниматься?

ТОНЯ. Сегодня мать родную сдашь, а завтра Родину продашь.

ДЭН. При чём тут родина? Чё такого-то? Все так делают. Чем больше интима, тем баше. Я же её не в спальне снимаю.

ЗОРИН. Ещё чего. Уж лучше себя любимого снимите во всех подробностях.

ДЭН. Не, это уже не катит. Хотя... Не, надо новые... как их... формы искать. Искусство не стоит на месте. Видеоарт и всё такое.

ЗОРИН. Понторез.

ДЭН. Чё ты сразу ругаться-то? Я ж просто приколотся. Матери на бёздей хочу фильмец стругануть. Потом вместе пололируем.

ЗОРИН. Слушай, Данила, ещё раз услышу это слово – денег больше не проси.

ДЭН. Чё ты прикапываешься? Все так говорят.

ЗОРИН. Все, все. Ты своё сделай, не как у всех. Может что путное получится. На одной провокации далеко не уедешь.

ДЭН. Не, на путном в топ не пробиться. О! Слушай, чё придумал: скан-дал-и-провокаци-я ис-точник-инфор-маци-и. Ё! Это моя заставка новостей будет: скан-дал-и-провокаци-я ис-точник-инфор-маци-И.

ТОНЯ (*уходя с охапкой платьев в руках*). Чем меньше информации, тем хуже провокации.

ДЭН. Ё! Шикардос! Тоня, стой, я буду в своём блоге тебя продвигать. Смотри в эту дырочку, видишь?

ТОНЯ. Ну.

ДЭН. Антонина, скажите пожалуйста, почему Вы всегда носите чёрное? Вы гот?

ТОНЯ. Это траур по моей жизни.

ДЭН. А чё так?

ТОНЯ. Когда с тобой голопопиком водилась, думала, человека рошу. А получилась мартышка.

ДЭН. Кат! Всем спасибо, все свободны.

Тоня уходит.

ЗОРИН. Данила, хватит ерундой забавляться, займись лучше делом.

ДЭН. А я чем, по твоему занимаюсь? Я ж ролик в свой блог снимаю, знаешь, сколько блогеры зашибают? Ладно, смотри вот сюда... (*снова снимает*) Это мой родной дядя Николай Аркадьевич Зорин, полковник инженерных войск в отставке. Повелитель

понтонных мостов. Родине он больше не нужен и теперь целыми днями решает шахматные задачи. Врачи говорят, это хорошая профилактика старческой деменции.
ЗОРИН. Не в этом дело. Просто интересно, время незаметно летит. Мозги надо чем-то занимать. Тебе бы тоже не помешало. Вспомни молодость, старичок, реши задачку. Смотри вот, белые начинают и выигрывают.

Дэн останавливает съёмку, смотрит на шахматную доску, делает несколько ходов за белых и чёрных.

ДЭН. Есть. Шах и мат.

Зорин вздыхает. Дэн снова берётся за камеру.

ЗОРИН. И что ты тут нам исполняешь?

ДЭН. Ай, надоело бороться.

Дэн снова включает смартфон.

ЗОРИН. Найди дело по душе, оглянись вокруг – столько всего! Эх, скинуть бы мне годочков сорок!

ДЭН. Стал бы хакером, нарубил бы бабла.

ЗОРИН. Нет, профессию я повторил бы, а в свободное время этим бы увлекался... как его... ну эти... которые по стенкам бегают.

ДЭН. Тараканы?

ЗОРИН. Как их, ну эти... Видел бы ты, как я в юности по понтонам скакал... Да... хорошее было время...

ДЭН (*комментирует съёмку*). Дядя Коля, основатель советского военно-понтонного паркура, просит меня, мартышку голопопую, найти дело по душе. А где его найдёшь-то? Кругом одна лабуда. Да и бабла нету. Пойти, банан схомячить что-ли...

Дэн уходит.

Крик Треуховой из-за кулис: «Коля! Коль, ты ещё в гостиной? Я иду!»

Появляется Треухова в красном длинном вечернем платье с глубочайшим декольте.

За ней выходит Тоня.

ТРЕУХОВА. Ну как, может это платье лучше?

ЗОРИН. Ну ты даёшь... Даже не знаю что сказать. Смотря куда целишься. Если в голову, тогда лучше то, голубое, а если мгм... тогда оставь это.

ТРЕУХОВА. Коля, я серьёзно.

ЗОРИН. И я не шучу.

В дверь звонят.

ТРЕУХОВА. Это курьер. Тоня, открой!

Тоня уходит и возвращается с большой картонной коробкой, ставит её на диван и вытаскивает зелёное струящееся платье.

ТОНЯ. Сейчас гладить будем?

ТРЕУХОВА. Тоня! Эту ткань вообще гладить нельзя, если только паром и то слегка. Запомни, только пар.

ТОНЯ. Запомнила, гладим только паром. Слегка. Уносить?

ТРЕУХОВА. Дай сначала так примерю. *(Прикладывает вешалку с платьем на себя)*

Коль, смотри, ничего?

ЗОРИН. Ничего.

ТРЕУХОВА. Что значит ничего? Ничего – ничего хорошего или ничего пойдёт?

ЗОРИН. Надо на тебе смотреть.

ТРЕУХОВА. А так не видно? Я уже забегалась.

ЗОРИН. Ируш, я же в этом ни бельмеса не понимаю. Как по мне – ты в любом наряде хороша.

Тихонько входит Дэн и снимает происходящее из-под тишка на свой смартфон.

ТРЕУХОВА. Но голубое всё-таки лучше? Или то, серебристое с накидкой? Тонь, что скажешь?

ТОНЯ. Зажралась ты, мать.

ТРЕУХОВА. Тоня! Не порти мне настроение, итак вся на нервах. А мне ещё играть сегодня... Или всё-таки красное оставить?.. Так, где у нас чёрные замшевые шпильки... Если уж бить, то наповал.

Тоня принимает зелёное платье и подаёт коробку с нужными туфлями.

ТОНЯ. На, убийца.

Треухова надевает туфли и прохаживается вальяжной походкой мимо Зорина.

ТРЕУХОВА. Ну как?

ДЭН. Сасно.

ТРЕУХОВА (*Дэну*). Ты опять за своё? Что это значит? Говори по-русски.

ЗОРИН. Это значит «класс!» Ируш, а кто платит за этот праздник жизни?

ТОНЯ. Кто-кто, наверное Трепло?

ТРЕУХОВА. Тоня! Не трепло, а Р-репло! Сколько раз повторять. Нет, не он. Ему сейчас не до этого.

ТОНЯ. Да он и с «этим» не разбежится.

ТРЕУХОВА. Тоня! Не понимаю, что ты на него взъелась... Не переживай, это не в долг. Вчера в одном очень хорошем бутике с большой скидкой взяла. Я им рекламу делаю. На банкете в Доме актёра будут большие люди с жёнами... Потом что не пригодится, обратно сдам.

ТОНЯ. Ага, ты сдашь...

ТРЕУХОВА. Не бурчи, Тоня! Куда мне столько. Вот это красное точно сдам. Только сначала Ручьёва из него убью. Он Борису деньги на постановку выделить обещал и зажал, жмот такой.

ТОНЯ. А пороху-то хватит? Нынче мужики всё больше по молодухам специализируются.

ТРЕУХОВА. А то я не молодуха.

ТОНЯ. Молодуха... шрам от уха до уха...

ТРЕУХОВА. Тоня! Твои комментарии неуместны! Особенно сегодня, особенно сейчас.

Треухова бежит к зеркалу и рассматривает себя до полного удовлетворения.

ТРЕУХОВА. Нет... ничего не видно. Серёжка Дорнфельд сделал всё как надо и даже лучше. Какая же я ципочка, прямо ух!

ТОНЯ. Ух... А поясница? Тебе жилет собачий с собой дать? Ведь совсем голышом пойдёшь.

ТРЕУХОВА. Тоня! Какой жилет, у меня же бенефис! Тем более собачий...

ДЭН. Точно, собачий - соберутся шавки и начнут хором подвывать: «Ах, Иринушка Аркадьевна, золотая Вы наша...» А Ручьёв твой басом лаять начнёт: «Народную артистку получите высочайшим повелением...»

ТРЕУХОВА (*Дэну*). Тебе бы только гадость матери сказать. Я это звание горбом своим заработала, здоровьем и нервами. Тонь, давай твою жилетку на всякий случай, мало ли, в машине пододену на обратном пути, ночью холодно.

ЗОРИН. Данила, не надо так с матерью разговаривать, у неё праздник сегодня. И вообще... воздержись от комментариев. Если нечего сказать, лучше молчи.

ТРЕУХОВА. Коля, кому ты это говоришь? У него ещё пубертатный период не закончился. Мужуку двадцать лет, а мозгов до сих пор не выросло.

ТОНЯ. Зато другое созрело...

ДЭН (*Треуховой*). Это ты к тому, что я универ бросил? Ну не хочу я идти по дядиным стопам, у меня свои есть.

ТРЕУХОВА. Знать бы ещё, куда они тебя несут.

ДЭН. Я на операторский летом поступать буду. Операторы нынче дорого стоят, особенно если приз какой-нибудь получить, типа «Золотого Орла». А что, для начала неплохо. Поставлю на полочку рядом с твоими наградами и будешь мною гордиться. А там и Оскар не за горами... «Academy Award for Best Cinematography goes to... Dan Treuchov». Вау!

ТРЕУХОВА. Мгм... Даже не знаю что тебе сказать...

ЗОРИН. Слышь, орёл оscarоносный, чем крыльями хлопотать, лучше листья от ворот отгребь, матери ехать скоро.

ДЭН. Я же позавчера вам целых два мешка листьев набил?

ТРЕУХОВА. Не вам, а нам. Иди убери тебе говорят.

ЗОРИН. Данила, листопад же, ну?

ДЭН. Листопад, листопа-ааад, если женщина про-о-о-осит... Ты так просишь, да, мам?

ТРЕУХОВА. Ты уже сам должен знать без напоминаний, что по дому делать, не маленький. Сидишь на моей шее и ноги свесил. Обойдусь без твоих услуг. Боря приедет, уберёт.

ДЭН. Не зная горя, горя, горя, приедет Боря, Боря, Боря... что-то меня на ретро потянуло. Откуда я знаю эти песни?

ТРЕУХОВА. От верблюда.

ДЭН. Да? А я думал это ты мне колыбельные такие пела.

ЗОРИН. Данила, перестань задираться.

ТОНЯ. Чешую эту русалочью обратно в коробку паковать или в шкаф повесить?

ТРЕУХОВА. Пакуй... В шкаф.

ТОНЯ. Кто бы сомневался.

Тоня уносит платье. Треухова снимает туфли, хромает к дивану и ложится, задрав ноги на подлокотник. Дэн приближает смартфон к её босым ступням и она, наконец, замечает, что он ведёт съёмку. Треухова мгновенно меняет положение на более эстетичное.

ТРЕУХОВА. Данила! Я же просила тебя не снимать без предупреждения!

ДЭН. Я предупреждал, ты не слышала.

ТРЕУХОВА. Что я, глухая по-твоему?

ДЭН. Не знаю, тебе виднее.

ТРЕУХОВА. Прекрати.

Дэн продолжает снимать. Треухова кидает в него диванной подушкой и принимает сидячее положение.

ТРЕУХОВА. Прекрати, я сказала.

ДЭН. Босоногое декольте. Ты мне сама потом спасибо скажешь за эту съёмку. Чистая киногения, эротика без пошлости и ужимок. Посмотри на дядю... подними подбородок... так... умница... руку подними...

Треухова сначала автоматически выполняет указания, потом спохватывается и делает рывок вперёд, чтобы отнять смартфон, но Дэн успевает увернуться.

ТРЕУХОВА. Данила! Или как тебя там... Дэн! Перестань наглеть! Это уже выходит за рамки всякого приличия! Я тебе не подружка!

ЗОРИН. В самом деле, Данила, это уже чересчур. Убери камеру. Свою жизнь оголяй сколько хочешь, а в чужую не лезь.

ДЭН. В чужую значит. Ладно. Может мне вообще уйти? Раз жизнь родной матери мне чужая. В доме селятся все кому не лень, а сыну в её жизни места нет. Так-так-так.

Тогда досвидос, родственнички, я пошёл.

ТРЕУХОВА. Куда ты пошёл?

ДЭН. Пока в общаге у пацанов перекантуюсь, а там видно будет.

ТРЕУХОВА. Кто ж тебя в общагу пустит, ты же отчислен?

ДЭН. Есть методы. Друзья в беде не бросят... А чё там, собственно, делать? Лучше в... в... Питер поеду, поварёнком на торговое судно устроюсь. Мне Тоня свой фирменный рецепт солянки даст.

ТРЕУХОВА (Дэну). Что ты опять несёшь?

ЗОРИН. Данила, не дури.

ДЭН. Кто не дури, я не дури? Всё серьёзно. Мое решение окончательно и бесповоротно. Еду в Якутию. Там алмазы и якутяночки в унтах. Автостопом на оленях доеду.

ТРЕУХОВА. Может лучше на Сахалин пешком рванёшь? Там японочек в белых гольфиках через границу видно.

ЗОРИН. Ирина!

ДЭН. Белые гольфики? Крутая тема. Всё, еду на Сахалин. Пошел собираться. Денег не надо, добрые люди помогут.

ТРЕУХОВА. Собрался клоун на гастроли.

ДЭН. Ага, чем дальше, тем роднее будем.

ЗОРИН. Ируша! Данила!

ДЭН. Нет, дядь Коль, не уговаривай, чужие так чужие.

ЗОРИН. Да какие чужие? Не в этом же смысле сказано. Я имел в виду частную жизнь. Домашние дела никого кроме нас не касаются.

ДЭН. А я для кого снимаю? Для Пушкина что-ли? Я ж для вас стараюсь. Подарок тебе, мамочка, к дню рождения готовлю.

ТРЕУХОВА. Спасибо, сынок. Я уже боюсь твоих подарков.

ДЭН. Не хотите, как хотите. Я пошёл.

Дэн закрывает смартфон и уходит.

ЗОРИН. Данила!

ТРЕУХОВА. Пусть идёт куда хочет. Капризный мальчик. Побегает да обратно прибежит, в первый раз что-ли?

ЗОРИН. В армию ему надо. Я нашему военкому позвоню, спрошу, почему повестку до сих пор не прислали.

ТРЕУХОВА. Не вздумай! Я в министерстве обороны специально концерт давала чтобы ему отсрочку выпросить.

ЗОРИН. Ну и зря.

Треухова радужённо собирает разбросанные по полу туфли в коробки.

3

ТРЕУХОВА. Вот что я ему сделала, что он меня так ненавидит? Все игрушки - ему, все лучшие шмотки - ему, на съёмки взять - пожалуйста, в театр – сколько угодно, в Сочи на лыжах кататься – с удовольствием, машину – на возьми! Хочешь в Испанию – вот тебе Испания. В Италию – езжай ради бога. Столько денег угрохано, а он... «чужие люди, чужие люди»... И ты тоже хорош. Кто тебя за язык дёргал? Он же любой повод для ссоры ищет.

ЗОРИН. Ируш, ну прости, я не хотел, ты же знаешь.

ТРЕУХОВА. Не хотел. Конечно не хотел.

ЗОРИН. И чего я такого сказал? Он всё понял правильно, только ему другое нужно.

ТРЕУХОВА. Да что ему ещё нужно-то?.. Ты хочешь сказать, ему любви моей материнской не хватает?.. Ну, знаешь! Так можно да сорока лет титьку сосать.

ЗОРИН. Успокойся, Ируш, ты права. Ты во всём как всегда права.

ТРЕУХОВА. Господи-и-и! Что же это за день-то такой сегодня! Все меня обвиняют! Никому не угодить в этом доме!

ЗОРИН. Да кто тебя обвиняет?

ТРЕУХОВА. Ты, Тоня, Данила! Все вы мной недовольны – я, видите-ли, плохая мать. Кукушка, подбросившая вам своего птенца! Да, я редко бываю дома, но это моя работа. Ра-бо-та! А не блажь какая-нибудь. И я не могу взять и перечеркнуть свою карьеру. Я актриса! Я хорошая актриса. И позвольте заметить, сына я оставила не в чужом гнезде, а в своём собственном, где выросла сама без отца и матери!

ЗОРИН. Без отца и матери, говоришь? Сама выросла? Что ж, сестрёнка, спасибо.

ТРЕУХОВА. Старший брат это не отец.

ЗОРИН. Да, не отец. Но я любил тебя как отец. Больше отца. А Тоня тебе такой матерью стала, что лучше не бывает. Она, между прочим, ради тебя замуж не вышла.

ТРЕУХОВА. За тебя что-ли?

ЗОРИН. Да если бы...

ТРЕУХОВА. А... а знаешь почему ты не женился?

ЗОРИН. Почему?

ТРЕУХОВА. Потому что ты баба. *(Передразнивает)* «Ты права, Ируш, ты права».

Хрястнул бы кулаком по столу, ты же полковник! Откуда Данила мужиком станет, если мужиков в доме нет?

Зорин тяжело поднимается с кресла, берёт не заметную ранее палочку, ковыляет к столу и вдруг со всего маху ударяет кулаком по столешнице.

ЗОРИН. Куда ты дела всех мужиков?

ТРЕУХОВА. Я?! Ты что, Коля?!

ЗОРИН. Шестьдесят восемь лет уже Коля! Из них сорок пять тебя слушаю. Хоть бы на минуту умолкла, мозгоклюйка!

ТРЕУХОВА. Это я мозгоклюйка? Ты где таких слов понабрался?

Звонок в дверь. Треухова с гневным лицом идёт открывать. Зорин оседает на пол.

4

Треухова возвращается с Дорнфельдом.

ТРЕУХОВА. Не обращай внимания, Сергей, у нас тут бардачина сего... Коля!

Треухова и Дорнфельд подбегают в Зорину, поднимают и сажают на диван. Дорнфельд растёгивает ворот рубашки Зорина, проверяет пульс.

ДОРНФЕЛЬД. Ира, воды принеси, быстро! И тонометр!

Треухова убегает и возвращается со стаканом воды и тонометром. Она набирает воды в рот и брызгает на Зорина, тот открывает глаза.

ТРЕУХОВА. Коленька, что, сердце, да? Давление, да? Сейчас, сейчас... он, наверное, таблетки забыл выпить. Сейчас принесу.

Треухова убегает. Дорнфельд даёт Зорину выпить воды и меряет давление.

ДОРНФЕЛЬД. И часто у Вас это?

ЗОРИН. В первый раз. Бывало, что голова покруживалась, но чтоб вот так – бац и на пол – впервые. Да ничего, пройдёт.

ДОРНФЕЛЬД. Э нет, у Вас давление высокое, Николай Аркадьевич, надо скорую вызывать.

ЗОРИН. Что? Какую скорую? А Вы зачем? Вы же врач. Дайте мне таблеток, чайку с ромашкой и полежать.

ДОРНФЕЛЬД. И всё-таки, Николай Аркадьевич, надо бы в больницу.

ЗОРИН. Тссс. Говорите тише. Мне сегодня нельзя болеть. Завтра можно, а сегодня никак нельзя. У Ируши бенефис, она должна блистать и счастьем светиться. Ей народную артистку дают, а тут я с больницей. Нехорошо, хлопотно слишком. Нет, Серёжа, нет и нет. Не вздумайте никуда звонить.

Входит Ирина с упаковкой таблеток и подаёт Дорнфельду, тот выдаёт что положено, Зорин запивает таблетки и укладывается поудобней на диван.

ЗОРИН. Спасибо, Ируш. Подушечку ещё подложи мне под голову. Ага, хорошо. И чайку завари с ромашкой, если не трудно.

ТРЕУХОВА. Конечно, Коленька, сейчас Тоне скажу.

Треухова уходит. Дорнфельд открывает окно. Входит Тоня с чаем.

ТОНЯ. Допрыгался, казак?

ЗОРИН. Допрыгался.

Тоня отдаёт кружку Зорину и нагибается за палкой.

ТОНЯ. Коня-то потерял.

ЗОРИН. Поставь вон сбоку, спасибо.

ТОНЯ. Где тонометр? Я себе тоже давление померяю. Вон, погода меняется, поди подскочит опять, вчера сто пятьдесят было.

ДОРНФЕЛЬД. Давайте помогу, мне удобнее.

Дорнфельд и Тоня отходят к столу.

5

Входит Треухова.

ТРЕУХОВА. Коль, ты как? Полегчало? Тонь, мы сегодня обедать будем?

ТОНЯ. Куда вас девать - будем.

ЗОРИН. А мне не хочется, сосну полчаса.

ДОРНФЕЛЬД (*Тоне*). Сто сорок на сто. Высоковато.

ТОНЯ. Нормально. Это мой крейсерский режим.

Тоня уходит. Дорнфельд разворачивает стул от стола.

ДОРНФЕЛЬД. Ирина, садись, мимику проверю.

Ирина садится на стул и откидывает голову. Дорнфельд достаёт миниатюрный фонарик, рассматривает что-то около ушей и над глазами.

ТРЕУХОВА. Ну как? По-моему ничего не видно.

ДОРНФЕЛЬД. Сейчас посмотрим. Улыбнись... так... Шире улыбнись... так... Наморщи лоб... хорошо... Рожу скорчи какую-нибудь... Да, весьма неплохо. Моя новая методика даёт хороший результат.

ТРЕУХОВА. Не скромничай. Результат отличный. Может губы подкачать ещё?

ЗОРИН. Только не это!

ДОРНФЕЛЬД. Согласен. Ты же не хочешь карьеру себе испортить?

ТРЕУХОВА. Нет, конечно. Но все подкачивают. Чуть-чуть невинной припухлости не помешало бы.

ЗОРИН. Какая невинная припухлость, Ира?! Ведь не «шешнадцать» тебе!

ДОРНФЕЛЬД. Вы бабы, странные существа. Хотите быть единственными и неповторимыми, но делаете всё, чтобы быть как все. Зачем? Вы не понимаете, что когда смотрите в зеркало, вы делаете себе лицо таким, каким хотите видеть. А другие видят то, что есть на самом деле: губы отстают от мимики, брови и лоб неподвижны, как у покойника. Но самое страшное это глаза. Взрослые, знающие жизнь глаза на гладких, как младенческая попка, лицах. Это ужасно.

ТРЕУХОВА. Ай-яй-яй... Как же Вы операции делаете, доктор Дорнфельд? Зачем новые методики изобретаете?

ДОРНФЕЛЬД. Затем и изобретаем, что вас, баб, жалко... Вы же старости как лепры боитесь. А ведь в каждом возрасте своя прелесть есть. Взять хотя бы Софи Лорен - какое достойное старение. А Катрин Денёв? Они подают себя как дорогое вино.

ЗОРИН. Или наша Элина Быстрицкая – какая красавица!

ТРЕУХОВА. Так то настоящая красота. Она как талант, встречается редко. А мы так – милашки-дворняжки. На жалость давим.

Дорнфельд с вожделием наклоняется над лицом Треуховой. Незаметно входит Борис Репло.

ДОРНФЕЛЬД. Да ладно... Харэ прибудняться.

ТРЕУХОВА. Как думаешь, ещё лет десять протяну?

ДОРНФЕЛЬД. Больше протянешь... если пластикой не будешь злоупотреблять.

ТРЕУХОВА. Не буду. Ты меня напугал.

6

РЕПЛО. Браво, браво! Вам, доктор, удалось то, чего я не смог. Она никого не слушает, кроме Вас. Даже меня, своего любимого режиссёра. Я её красотой уже сыт по горло, а ей всё мало. Сейчас же уроды в тренде: что ни пьеса, то анамнез для психиатра. Да и зрители почти сплошь психопаты. Приходится крутиться.

ДОРНФЕЛЬД. Вам-то зачем, Вы же не психиатр.

Треухова делает знаки Дорнфельду, чтобы молчал. Входит Тоня в переднике и с кухонным полотенцем в руках. В открытом окне со стороны улицы появляется Дэн и потихоньку снимает на смартфон происходящее.

РЕПЛО. Боже упаси. Но профессия режиссёра обязывает разгрести эти кучи бессознательного дерьма. Я шахтёр слоёв глубокого залегания смыслов, мастер буровых интеллектуальных работ.

ТОНЯ. Я думала дерьмо разгребают ассенизаторы.

ТРЕУХОВА. Тоня!

РЕПЛО. Да, и ассенизатор, если угодно! Устами народа глаголет истина! Я чистильщик канализации! Я освобождаю вас от вашего же дерьма!.. Где та строгая граница между нормой и патологией, кто её видел? Мы живём в потоке бессознательного, мыслим обрывками чувств и чувствуем клочка-ми мыслей. Текучесть наших состояний в пространственно-временном континууме непостижима, но это не значит, что мы не должны пытаться и дерзать! Нам нужна новая концептуальность, включающая в себя непонимаемое, отражающая неотражаемое. Мы создадим новый театр, пишем новые пьесы!

ДОРНФЕЛЬД. Есть где разгуляться настоящему таланту. А куда классиков денете, Чехова?

ТРЕУХОВА (*тихо Сергею*). Сергей, прошу тебя...

РЕПЛО. И с классиками есть чем заняться, с Чеховым особенно. Вывернуть наизнанку внутренности драматурга – дело чести каждого современного режиссёра. Найти непереваренное, съеденное наспех, без тщательного разжёвывания. Только так можно вскрыть потаённые мысли, духовные перверсии, которые раньше никто не находил, потому что не искали. Или искали не там.

ТОНЯ. Желудочно-кишечный психоанализ какой-то...

РЕПЛО. Если хотите – да!

ДОРНФЕЛЬД. Вы ещё и проктолог- фрейдист.

Треухова знаками умоляет Дорнфельда молчать.

РЕПЛО. Да хоть патологоанатом! Потому что классический театр давно умер и, окоченевший, наглухо заколочен в гробу своих собственных традиций. Театр мёртв!..

Но... Да здравствует театр! Мы, патологоанатомы, вдыхаем в него новую жизнь, даём новую драматургию, новые формы, творим новую театральную процессуальность, которая не путается в поверхностных связях, а проникает внутрь всех возможных и невозможных мыслительных конструкций! Вы поймите, в старых классических пьесах уже ничего не открыть, всё изъезжено вдоль и поперёк! Чтобы выявить скрытые очаги чувственности и ресурсы возможностей, надо идти вглубь со скальпелем в руках и резать пласт за пластом!

ЗОРИН. Зачем трупу скальпель я понимаю, но зачем ему новая драматургия?

РЕПЛО. Вы попали в самое яблочко, Николай Аркадьевич! Девиз новой драматургии – никакой драматургии. Есть только его величество Текст и его фон – контекст и больше ничего. И ваш великий Чехов это не более чем текст, консервы времени, которые пора вскрывать, пока не протухли.

ЗОРИН. А почему Вы так уверены, что Чехов протухнет?

ТОНЯ. Потому что он Репло. Идите обедать, уже давно накрыто.

Зорин не выдерживает и смущённо хихикает. Дорнфельд смеётся в голос.

РЕПЛО (*уязвлён*). Я ни в чём не уверен. Но я, по крайней мере, свободен. И поэтому имею право на своё личное авторское высказывание!

ТОНЯ. Имеешь, имеешь. Тебе супу наливать?

РЕПЛО. Нет! Я не буду обедать. Аппетит пропал. Вернусь в театр. Ирина, чтобы к пяти была как штык, без опозданий.

ТРЕУХОВА. Хорошо, милый.

РЕПЛО. Не надо, не провожай.

Репло уходит. Дорнфельд берёт со стола тонометр и меряет давление Зорину. Дэн скрывается из проёма окна, в котором виден дым.

ТРЕУХОВА. Что вы на него набросились? Он же гений!.. Тонь, что за вонь? Чем это пахнет?

ТОНЯ. Фу... Вроде серой. Надо окно закрыть. Видно, опять овощехранилище окуривают.

ТРЕУХОВА. Фуй... Так. Сейчас всем обедать, и я начну собираться. Сергей, ты вечером будешь в театре?

ДОРНФЕЛЬД. Знаешь, Ир, ты прости, но после монолога твоего Репла передумал. Страшно стало.

ТРЕУХОВА. Жаль. Мне было бы приятно... Ну да ладно, пойдём обедать? Тоня солянку сварила с оливками и лимончиком...

ДОРНФЕЛЬД. Это всегда с удовольствием. Уж кто гений в этом доме, так это Тоня со своей фирменной солянкой.

Тоня закрывает окно и все уходят.

7

Из кулисы, где предполагается входная дверь, показываются Дэн и Инга Ручьёва.

ДЭН. Заходи, заходи не очкуй. Тут никого нет, все в столовой Тонину солянку питонят. Может и мы соляночкой закинемся?

ИНГА. Не-ет, ты что? Я же никого не знаю. Неудобно.

ДЭН. Ты же хотела познакомиться? Мать как раз дома.

ИНГА. Ну не за едой же. Да и некогда ей, наверное.

ДЭН. Там и пластический хирург свой прикормленный имеется, если что... тоже перспективное знакомство. Член семьи, практически, шестой лишний, прётся от нашей Тони больше чем от матери.

ИНГА. Я лучше пойду, у нас по субботам тоже семейный обед. Папа не любит когда не все за столом с ним сидят.

ДЭН. Тогда пойдём к тебе. Я вообще-то из дома дёрнул и так быстро возвращаться не планировал, а похавать охота. Скажешь, что я твой бойфренд.

ИНГА. Да ты что? Меня папа сразу убьёт. Он дома знаешь какой строгий.

ДЭН. Чё ты всё папа-папа, что это за папа такой? Мент что-ли?

ИНГА. Почти. Заместитель по связям с культурной общественностью.

ДЭН. Вот это сюрпрайз! Так ты Ручьёва? Да уж... Никогда не знаешь, кого на улице подберёшь... Что ж ты сразу не сказала?

ИНГА. Какая разница?

ДЭН. Большая. Если б ты была Инга Задрипищева, то неудобно всё: стоять, лежать, ходить и знакомиться. А если ты Ручьёва... Тогда можешь пинать сходу любую дверь, а в этом посёлке особенно. Здешняя очень культурная общественность будет писать

кипятком от радости. Наконец-то власть приблизилась к своим подданным. Вырубилась себе поляну на берегу нашего озера и свила родовое гнездо.

ИНГА. Какой ты циничный.

ДЭН. Я умный.

ИНГА. Мне нужно идти.

ДЭН. Стой. На обед ты всё-равно опоздала, потом наврёшь что-нибудь своему папаше. Скажешь, что Треуховой монолог Нины Заречной читала. Ты же в ГИТИС собираешься поступать, угадал?

ИНГА. Да, откуда ты знаешь?

ДЭН. Чё тут знать-то? Миленькая бэйба околачивается возле дома Треуховой. Ты же выросла на её таланте?

ИНГА. Я её обожаю, особенно в новой «Чайке». И папа тоже. Он говорит, что в этой постановке Борис Репло превзошёл сам себя.

ДЭН. Тем более, папа всё поймёт и простит.

ИНГА. Я врать не умею. Он меня сразу раскусит.

ДЭН. Ничёсе! Как же ты без вранья актрисой станешь?.. Ладно, я тебе помогу. Врать не придётся....

ИНГА. А как?

ДЭН. Подожди пять сек.

Дэн рыщет по книжным полкам, выхватывает нужную книгу и возвращается с томиком Чехова, листая его на ходу.

ДЭН. На вот, читай, отсюда досюда.

ИНГА. «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси...» Я знаю текст, я его к прослушиванию на подготовительные курсы выучила.

ДЭН. Ещё лучше. Читай давай, я тебя снимать буду. Я тоже к экзамену готовлюсь, во ВГИКе на режиссёрском учусь. Этюд надо снять, хвост закрыть.

ИНГА. Здорово, а потом посмотрим что получилось. И не так страшно. Со стороны ведь лучше видно, есть талант или нет.

ДЭН. Ты Ручьёва, тебе талант необязательно иметь.

ИНГА. Не-е-ет. Я хочу настоящей звездой быть, как твоя мама.

ДЭН. Тебя из какого заповедника к нам завезли?

ИНГА. Мы из Питера переехали.

ДЭН. А-а, понятно. Перелётная чайка из приозёрного кооператива, значит. Слыхали...

ИНГА. Что вы слышали? Мы на Лиговке жили. Если хочешь знать, мой папа...

ДЭН. Очень хороший человек и крепкий управленец. Замяли. Иди, вставай вон туда, к полкам.

Инга становится где указано, Дэн «выставляет свет» для съёмки с помощью подручных средств - светильника и настольной лампы.

ИНГА. Ой, я волнуюсь.

ДЭН. Вспоминай текст пока.

ИНГА. Ага. «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды, и те, которых нельзя было видеть глазом, — словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли... Ой, мне страшно. Вдруг не получится.

ДЭН. Получится. Давай, я готов.

ИНГА. С самого начала?

ДЭН. Ага, только не так заунывно... Погоди... Начали!

ИНГА. «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды, и те, которых нельзя было видеть глазом, — словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли...

Из «дверной» кулисы выходит Репло и останавливается. Инга запинается. Дэн увлечённо снимает спиной к дверям, приседая и поднимаясь.

ИНГА (*продолжает*) ...Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах. Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно... Тела живых существ исчезли в прахе, и вечная материя обратила их в камни, в воду, в облака, а души их всех слились в одну. Общая мировая душа — это я... я...»

ДЭН. Стоп. Инга, стоишь как пугливое бревно. Ты же мировая душа, тебе не должно быть страшно. Страшно Земле, потому что она пустая, Луне, потому что она мертвая. Но не тебе. Это ты создала эту пустоту и этот страх! Ты должна собой гордиться! Ты слепая сила материи, ты мощь разрушения!

ИНГА. Но мне кажется, тут другое...

ДЭН. Мало ли что тебе кажется. Актриса это пластилин в руках режиссёра. Поняла? Мы ищем новые смыслы, вытаскиваем на свет то, что не видели до нас, мы бурим глубже других, как шахтёры. Нам никто ничего не может навязать. Нет никаких законов, есть только текст, из которого мы можем делать всё, что захотим. Ясно? Иначе нет смысла заниматься искусством. Ты хочешь стать великой актрисой? Тогда не дёргайся. Давай дальше... Начали.

ИНГА. «Во мне душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и последней пиявки. Во мне сознания людей слились с инстинктами животных, и я помню всё, всё, всё, и каждую жизнь в себе самой я переживаю вновь.»

Тихонько из другой кулисы выходят переодетая в домашнее Ирина, Зорин, Тоня и Дорнфельд. Ингу трясёт от ужаса, но Дэн ничего не видит.

ДЭН. Молодец, хорошо, хорошо.... давай...

ИНГА. «...Я одинока. Раз в сто лет я открываю уста, чтобы говорить, и мой голос звучит в этой пустоте уныло, и никто не слышит...»

У Инги пропадает от страха голос и Треухова продолжает её текст. Дэн снимает.

ТРЕУХОВА (*экспрессивно*). «И вы, бледные огни, не слышите меня... Под утро вас рождает гнилое болото, и вы блуждаете до зари, но без мысли, без воли, без трепетания жизни. Боясь, чтобы в вас не возникла жизнь, отец вечной материи, дьявол, каждое мгновение в вас, как в камнях и в воде, производит обмен атомов, и вы меняетесь непрерывно. Во вселенной остается постоянным и неизменным один лишь дух. Как пленник, брошенный в пустой глубокий колодец, я не знаю, где я и что меня ждет. От меня не скрыто лишь, что в упорной, жестокой борьбе с дьяволом, началом материальных сил, мне суждено победить, и после того материя и дух сольются в гармонии прекрасной и наступит царство мировой воли. Но это будет, лишь когда мало-помалу, через длинный ряд тысячелетий, и луна, и светлый Сириус, и земля обратятся в пыль... А до тех пор ужас, ужас... (*Репло подходит к Треуховой*) Вот приближается мой могучий противник, дьявол. Я вижу его страшные, багровые глаза...»

ДЭН. Стоп, снято! Мать, ты крутая! Эпично получилось.

Репло подходит к Дэну и покровительственно похлопывает его по плечу, Дэн кривится.

РЕПЛО. Жизнь непредсказуемая штука: вернулся за смокингом, а попал на шоу домашних талантов. (Дэну) Bravo, bravo, далеко пойдёшь. (Инге) И Вы, Ниночка, хорошо держались.

ИНГА. Я Инга.

РЕПЛО. Инга... какое красивое, необычное имя.

ДЭН. Господа и домочадцы! Представляю Вам будущую звезду российской сцены и нашу новую соседку Ингу Ручьёву!

ТРЕУХОВА. Ручьёву? Очень приятно.

ДЭН. А это мой дядя Николай Аркадьевич Зорин, глава семейства... Это дядя Сергей, друг семейства, а это наша Тоня, ангел-хранитель семейства. ИНГА. Здравствуйте.

ДОРНФЕЛЬД. Добрый день, вы чудесно играли.

ИНГА. Спасибо.

ТОНЯ. Здравствуй, милая, чай будешь пить? У меня плюшки настряпаны. Мягонькие.

ИНГА. Нет, спасибо, мне домой пора.

ТОНЯ. Тогда я тебе с собой заверну. погоди, не уходи пока...

Тоня уходит.

РЕПЛО. Оказывается, у Андрея Ильича ещё и талантливая дочь. Борис Репло.

ИНГА. Я знаю... я слежу за Вашим... творчеством.

РЕПЛО. Вот как? Приятно слышать. У нас подросло умное молодое поколение.

Зорин бодрячком ковыляет к Инге, целует ручку и ложится на диван.

ТРЕУХОВА. А я так даже залюбовалась. С такими внешними данными, с таким голосом обязательно нужно учиться.

ИНГА. Это моя мечта.

ДЭН. Она в ГИТИС хочет поступать.

ТРЕУХОВА. Прекрасно. А кто в этом году набирает? Серебрицкий? Это будет сильный курс. Вам повезло.

ИНГА. Туда ещё поступить надо.

ДЭН. Поступишь, поступишь, даже не сомневайся. С таким-то талантом.

ИНГА. Издеваешься?

ДЭН. Да чё ты, мне правда понравилось. Тебя камера любит. Вот... сама зацени...

Дэн показывает Инге отснятый материал на мониторе смартфона.

ИНГА. Какой ужас!

ТРЕУХОВА. Все актрисы так говорят. Дайте-ка взглянуть... Ничего подобного. Ты, Инга, действительно очень киноголична. Борис, иди посмотри.

РЕПЛО. В самом деле, Инга... Можно на ты?.. Ты хорошо смотришься. Но эта трактовка монолога тебе не очень подходит. Энергетики пока маловато. Но ничего, с этим можно работать, главное, потенциал есть.

ИНГА. Мне было странно играть, я по-другому репетировала.

ЗОРИН. А я ничего не понял. Но Вы, Инга, само очарование. Помню в восьмидесятом у Ефремова во МХАТе Нину Заречную Анастасия Вертинская играла. Вся Москва с ума сходила. Восторг! А какая она была Офелия у Козинцева в «Гамлете»! Я одиннадцать раз смотрел. Где она сейчас? Ты не знаешь, Ируш? Что там у вас говорят?

ТРЕУХОВА. Я не интересуюсь, мне и без этого есть чем заняться.

ДОРНФЕЛЬД. Она преподавала за границей, потом вернулась, а теперь фирменные кулинарные рецепты изобретает. Очень изысканно и вкусно получается, я пробовал. Талантливый человек во всём талантлив. Да и ролей для неё, увы, нет.

ЗОРИН. Жаль. Сейчас таких актрис не сыскать. Дарования измельчали что-ли...

РЕПЛО. В современном театре большие дарования и не нужны. Не надо больше ничего изображать. Актёр погружен в рефлексию самого себя, своего тела, своих мыслей и честно доносит на себя зрителю. Новый театр – это скорее бунтующий подросток, Хам, выдавший братьям наготу отца своего, лишивший его тайны. Была бы моя воля, я бы для своих спектаклей вообще с улицы актёров набирал.

ТРЕУХОВА. Ты и понабрал. Не знаешь, порой, плакать или смеяться.

ЗОРИН. Ируш, помнишь ты рассказывала про одного молодого актёра? Борис ему роль дал и сказал себя слушать. Тот бегал-бегал и к тебе прибежал: «Что я здесь делаю, что я здесь делаю.» А ты ему...Ах-ха-ха-ха! Не могу... Ха-ххаа!.. Ты ему: «Ты здесь работаешь, милый!»

ДЭН. Смешно.

Входит Тоня с пакетом плюшек и отдаёт их Инге.

ДОРНФЕЛЬД. А мне актёров жалко, особенно хороших. Четыре года учиться чтобы потом просто рефлексировать себя на сцене. А если кто-то не вписывается в «концептуальность» замысла очередного гениального режиссёра, не совпадает с ним, так сказать, «по фазе», что тогда? Получать на лоб клеймо профнепригодности? Как выходить на сцену?

РЕПЛО. Да элементарно – вот как ! *(указывает на Ингу)* Встала и сделала что просили. И копытом не била, то не так, сё не так.

ТРЕУХОВА. Спасибо, дорогой.

РЕПЛО. Ирина, это не о тебе.

ТРЕУХОВА. Я поняла. Так, мне пора одеваться в театр. Твой смокинг поглажен и висит в гардеробной за дверью.

РЕПЛО. Спасибо, дорогая.

ТРЕУХОВА. Не мне, Тоне спасибо скажи.

РЕПЛО. Антонина Ивановна, большое спасибо.

ТОНЯ. Пожалуйста. Носи на здоровье. Пуговицы только ручонками на жилетке не крути.

РЕПЛО. Постараюсь...

ТОНЯ. Волнуешься как поросёнок в мешке. Не зарежут ведь тебя поди?

РЕПЛО. Не зарежут, так живьём сожрут. Никогда свои спектакли в зале не смотрю, не могу.

ДОРНФЕЛЬД. Я тоже... Ну что ж, мне пора. Надеюсь, бенефис закончится триумфом... Антонина Ивановна, Ваша солянка была как всегда божественна! Признаюсь, у меня от удовольствия аж за ушами попискивало.

ТОНЯ. А я подумала мыши завелись.

У Инги звонит телефон: «Да, пап, я у соседей. Да... Нет... Да... Я уже иду.» Дорнфельд целует Треухову в щёчку, подходит к Зорину на диване, жмёт руку, машет остальным на прощанье рукой и уходит.

ИНГА *(Дэну)*. Я пойду, а то влетит.

ДЭН. Папа агрится? Погоди, сейчас организую тебе алиби. Ирина Аркадьевна... Маман, помогите будущей звезде перед папой оправдаться, она на семейный обед опоздала, пожалуйста. Пжалста-пжалста-пжалста.

ТРЕУХОВА. Можешь ведь когда хочешь. Давай телефон.

Дэн перезванивает по телефону Инги Андрею Ильичу Ручьёву.

ТРЕУХОВА. Андрей Ильич? Добрый день, это Ирина Треухова. Да.. Да... Ну что вы... Ах... Да, конечно... ну разумеется... Да, мне будет очень приятно. Да, я, собственно... Что Вы говорите?.. У меня нет слов, Андрей Ильич... Ах-ха-ха... Вот это новость!.. Да, в Доме Актёра... Жду... а-а-а... Андрей Ильич, подождите! У меня к Вам большая просьба – не ругайте Ингу за опоздание, это мы её задержали. Она нам монолог Нины Заречной читала. Да, и Вы знаете, очень хорошо, нам всем понравилось. Что Вы, что Вы, совсем нет! Она у Вас очень талантливая. Да, да... большая умница... и скромница... Да, хорошо, передам. Спасибо, Андрей Ильич, всего доброго... До вечера... Борис, тебе привет от Ручьёва.

РЕПЛО. Какая честь. Что за новости он тебе доложил? Чего ты так... всхохотнула?

ТРЕУХОВА. Мне народную дали, он будет приказ зачитывать.

РЕПЛО. Тоже мне новость.

ТРЕУХОВА. Инга, детка, не переживай, всё хорошо.

ИНГА. Спасибо, Ирина Аркадьевна. До вечера.

ТРЕУХОВА. Ты тоже идёшь в театр сегодня? Тогда до встречи! (*Тормошит дремлющего Зорина*) Коля, Коленька, пойдём наверх.

ЗОРИН. Ируш, я тут так хорошо прилёг.

ТРЕУХОВА. Давай-давай, спать надо в кровати, у тебя же позвоночник.

ИНГА. До свидания, Николай Аркадьевич.

Зорин машет Инге на прощание и поднимается с дивана.

РЕПЛО (*Инге*). Надеюсь, ещё увидимся.

ИНГА. Да... до вечера. (*Дэну*) Я побежала, пока.

ДЭН. Подожди.

Все, кроме Дэна и Инги, уходят.

ДЭН. Слушай, зачем тебе сегодня в театр идти, давай лучше зависнем у меня. Мать с Борисом придут только под утро, твои предки тоже, наверное.

ИНГА. Нет, мачеха дома остаётся.

ДЭН. У тебя мачеха?.. Понятно. И почему же твой папаша свою жену в театр не водит?

ИНГА. Понимаешь, она... ну... как бы это сказать... очень молодая и... Ну... в общем... он как бы.. стесняется.

ДЭН. Ей что, восемнадцати ещё нет?

ИНГА. Есть.

ДЭН. Уродина что-ли?

ИНГА. Почему? Нет, она очень красивая, во ВГИКе училась.

ДЭН. Понял, она глупенькая. Ему страшно окораться в светском обществе, вдруг его красота писаная об искусстве рассуждать начнёт?

ИНГА. Ну... да, что-то типа того.

ДЭН. Старый хрыщ... ой, прости. Ну и как, она тебя не плющит?

ИНГА. Нет, что ты, мы с ней подруги. Она тоже в Бориса Репло влюблена. Как в творческую личность, конечно.

ДЭН. Ну ещё бы. Теперь всё ясно. Старый папаша ревнует молодую мамашу к Репло.

Браво-браво, Борис, прям герой-любовник.

ИНГА. Зачем ты так? Они даже не знакомы.

ДЭН. А тебе сегодня счастье привалило. На мою голову. Что будешь делать?

ИНГА. Не знаю... Что-то нужно делать?

ДЭН. А ты как думала? Все начинающие артистки только и ждут момента, чтобы кусок побольше откусить, без разницы от кого, кто попадётся, лишь бы был в статусе и при бабках. Ты сегодня приобрела выгодные знакомства. Скажи мне спасибо.

ИНГА. Спасибо.

ДЭН. Чё тут у тебя, плюшки?

Дэн угощается плюшкой. Инга разворачивается на выход.

ДЭН. Стой, а поцеловать? Я ведь тоже выгодное знакомство. Папку рано или поздно снимут, а я останусь.

ИНГА. Иди ты в...

ДЭН. Куда, уточни пожалуйста, чтобы я не ошибся. Есть много подходящих адресов. Можно пойти в жопу, например, или на ... нет приличные девушки туда обычно не посылают.

ИНГА. Дэн!

ДЭН. Что Дэн? Что – Дэн? Я двадцать лет уже Дэн и до сих пор не пойму, чего вы все от этих пеньков трухлявых тащитесь? Вам что, молодых и сильных не хватает? Дай ещё одну плюшечку.

ИНГА. Хватает... Только они все или дебилы, или инфантилы.

ДЭН. Вон что! Миленькие бэйбы на взрослых умников залипают. Умников-заумников. А мы тоже исполнять можем! Даёшь драматургию без драматургии, театр без театра! И без режиссёра, и без зрителя. Кому он нужен. На фиг пошёл! Только актёры, которые ничего не играют, только внутренняя жизнь имеет значение. Вот я чувствую, что поднимается во мне си-и-ила... *(доглатывает плюшку)*

Инга резко поворачивается чтобы уйти.

ДЭН. Куда пошла, стоять!

ИНГА. Пошёл в жопу!

Инга всучивает Дэну пакет с плюшками.

ДЭН. Вот оно, вот настоящее твоё лицо! Молодец, быстро включаешься. Ты уже не совсем приличная девочка, да? Давай-давай, играем настоящее, только здесь и только сейчас!

ИНГА. Дэн! Не надо.

ДЭН. Надо, моя девочка, надо, иначе не видать тебе больших ролей. И вот ещё что... маечку сними для натуральности. Голое тело залог успеха постановки. Дай помогу.

ИНГА. Мама! Пусти!

ДЭН. Не пущу, ты же любишь концептуальное искусство? Щас сделаем. Давай вместе энергетику повышать, свой внутренний мир рефлексировать. Как кролики.

Дэн делает вид, что пристаёт к Инге, та пытается ударить его по лицу, но Дэн хватается её за руку.

ДЭН. Это уже не актуально, из прошлого века. Но идея хорошая. Спонтанная пластика движения. Слышишь, как клокочет моё сердце?

Дэн с силой прижимает ладонь Инги к своей груди.

ИНГА. Пусти, дурак!

ДЭН. Конечно дурак. И дебил, и инфантил. Рефлексия пошла? Поняла ты, чего просит твоё молодое, сильное, красивое тело? (*«эротично» жуёт следующую булку*)

Трахтибедох-х-х...

ИНГА. Идиот! Я папе скажу!

ДЭН. Фу, как пошло. Хотя я и дебил, но с малолетками не связываюсь. Я в чистое искусство энергию сублимирую, не видишь что-ли? Только в подлинные эмоции. Так, где мой смартфон... На, держи.

Дэн хватает смартфон со стола и суёт Инге в руки.

ИНГА. Мне домой надо.

ДЭН. Не надо. Твоему папаше и без тебя там есть чем заняться с молодой жёнущкой.

ИНГА. Ты больной?

ДЭН. Да, больной! Помоги мне выздороветь! Давно себя ищу и всё мимо. Все уже самораскрылись, бабло рубят, некоторые даже прославились, а я, лузер инфантильный, никак место своё не найду. Может сейчас получится. У нас же плюнуть некуда - кругом одни звёзды. Хочешь увидеть как они вблизи светят? Тогда снимай. Пожалуйста.

ИНГА. Что ты задумал?

ДЭН. Ты свой монолог прочитала? Я тоже хочу. Я ж вылитый Треплёв, мне в ГИТИС надо.

ИНГА. Но ты же на кинорежиссёра учишься?

ДЭН. Это пройденный этап. Кстати, ты в курсе, что на экзаменах этюд на импровизацию требуют?

ИНГА. Знаю конечно.

ДЭН. Тогда ноу проблемс. Потренируемся. У нас тут просто театр импровизации, артисты же кругом, ну? Бери смартфон.

ИНГА. Но...

ДЭН. Бери давай.

ИНГА. Ой, у меня другой... где у тебя тут настройки?

ДЭН. Там уже всё настроено, не парься. Просто сюда жми и снимай.

ИНГА. А вдруг запорю тебе этюд?

ДЭН. Тут без тебя уже столько напорото... На... Держи крепко... лучше плечом прислонись к шкафу... так... готово! Я начинаю, а дальше само пойдёт. Театр без сцены, зрители-актёры, жизнь в пердлагаемых обстоятельствах и истина страстей. Поехали! Инга снимает. Дэн подходит к полке с призовыми статуэтками и громко кричит. На крик прибегают Репло и Треухова, входит Тоня.

ТРЕУХОВА. Что случилось?

ДЭН. Ничего особенного, мамочка, «Чайку» репетирую, монолог Треплёва. Наконец-то я определился с выбором профессии – в актёры пойду, пусть меня научат. Любит (*смахивает одну статуэтку с полки*) – не любит (*смахивает следующую*), любит (*смахивает третью*) – не любит (*четвёртая*), любит (*пятая*) – не любит (*шестая*).

ТРЕУХОВА. Что ты делаешь?

ДЭН (*к Репло*). Видишь, дядя Боря, моя мать меня не любит. Еще бы! Ей хочется жить, любить, носить светлые кофточки, а мне уже двадцать лет, и я постоянно напоминаю ей, что она уже не молода. И деньги постоянно тяну, и нигде не работаю, и учиться бросил, и нервы ей мотаю.

Дэн поднимает статуэтки по одной.

ДЭН. Лучшая женская роль (*пытается погнуть*). Ух ты, не гнётся (*роняет на пол*). И не бьётся – на фиг. (*Отпихивает*)

РЕПЛО. Дэн, что ты делаешь? Зачем?

ТРЕУХОВА. Это не у меня бенефис сегодня.

ДЭН. Лучший режиссёр 2015 года – на фиг.

Дэн делает вид, что отламывает скульптуре голову. Репло бросается спасать свою статуэтку и отнимает её. Инга опускает смартфон.

ДЭН. Вот вся ваша свобода. Выставка статуэток. Так, что тут у нас... Лучший спектакль (*легко отламывает подставку*). Да-а-а, слабоватый фундамент оказался у лучшего спектакля – на фиг (*выбрасывает*).

ТРЕУХОВА. Дэн, прекрати этот театр! Противно смотреть.

ДЭН. Нет, мамочка, это не театр, это жизнь, в которой я свободно существую здесь и сейчас в предложенных мне обстоятельствах. И вы тоже, кстати.

Репло и Треухова оборачиваются на Ингу, но она показывает жестом, что не снимает.

РЕПЛО. Отлично, но при чём тут чужие призы? Заслужи свои и ломай сколько влезет.

ДЭН. А это и мои призы тоже. Каждый из них омыт моими невыплакан-ными детскими слёзками. Может поэтому я и остался инфантилом. Ты же любишь психоанализ, дядя Боря? Смотри как затормозивший в развитии подросток агрится на этот жестокий мир. Во-от она, любимая Чайка-Чаячка (*поднимает чучело чайки на подставке*). Сколько лет, сколько зим, здравствуй, любимая. Помню, как я тебе перья выдергивал, пуская пузыри от удовольствия. А папа потом клеивал обратно. Он и представить не мог, как высоко взлетит его любимая Чайка... (*Подражает крику чайки*) А-а, А-а!.. Лучшая Нина Заречная курса! Взмыла высоко-высоко над папкой, нагадила сверху ему на голову и свалила. Ай-яй-яй... Как давно это было, да, мам? Дядь Борь, а дядь Борь, может ты сменишь уже вектор своего творческого напряжения, помоложе себе музу поищешь? Вон их сколько кругом, только свистни.

ИНГА. Не слушайте его! Это неправда!

Инга убегает.

ТРЕУХОВА. Сволочь, дай сюда!

РЕПЛО. Отдай! Отдал, я сказал! Гадёныш.

ТРЕУХОВА. Борис!

Репло замахивается на Дэна, но тот уворачивается и отбегает подальше.

ДЭН. Кто же ещё, конечно гадёныш. Мне до вас далеко, дядь Боря. Вы-то своей чайке прямо на сцене кишки выпускаете. А я всего лишь чучелу голову откручиваю, маленький бездарный гадёныш на грязном птичьем дворе.

Дэн медленно откручивает голову чайке, с ухмылкой глядя на мать.

ТРЕУХОВА. Тоня, что он делает!? Как он смеет? Хоть ты скажи ему!

ТОНЯ. Что сказать-то? Что сеяли, то и жните.

Треухова убегает с воплями: «Я так больше не могу, не могу... Едем отсюда! В Москву!» Репло следует за ней: «А я тебе говорил, говорил..»

ДЭН. Вот и всё. Полный кабздец. Занавес (*раскланивается*). Не слышу аплодисментов...

Тоня, хоть ты похлопай.

Тоня подходит к Дэну и тот, тихо плача, утыкается ей в плечо.

Занавес.

Конец первого действия.